

Указанное желательное и, по мысли ученого, теоретически вполне достижимое единение христианских стран и народов не исключает (во всяком случае не исключало) также исторически сложившегося разделения христианского мира на два региона: католический и православный, которые хотя и в меньшей мере, чем в предыдущем случае, но также противостояли и противостоят друг другу. Естественно, в данном случае Васильевский подчеркивает как идеальную ситуацию согласие и единение православных стран (Византии, Руси, Болгарии, Сербии) в их противостоянии давлению романо-германского мира²².

Васильевский – безусловно русский ученый, представитель русской исторической школы (его учителями были И.И. Срезневский, М.М. Стасюлевич, М.С. Куторга, Н.А. Благовещенский), следы “российского патриотизма” можно различить на страницах его книг. Но одновременно он европейский (даже западноевропейский) ученый, и по выучке, и по уровню, и по мировосприятию. Т. Моммзена сам Васильевский числил среди своих непосредственных учителей (как оно и было на самом деле). Прекрасно осведомленный и в старых и в новых течениях на Западе в сфере антиковедения и медиевистики (включая византиноведение), Васильевский разделял, разумеется, главные положения и методологические установки современной ему западной и русской позитивистской историографии, занимавшей тогда ведущее место в развитии исторической мысли²³. Утверждение позитивизма свидетельствовало, несомненно, о значительном прогрессе в области исторического познания.

Здесь нет возможности сколько-нибудь полно проследить черты позитивизма в научном творчестве Васильевского (это особая самостоятельная тема). Отметим лишь некоторые, наиболее общие из установочных положений и методологических принципов Васильевского как ученого-историка, которые позволяют отнести его, без каких бы то ни было сомнений, к представителям позитивистской историографии.

Как и многие историки-позитивисты Запада, современники русского ученого, а также как и его коллеги в России, он расценивал ход исторического процесса как совершающуюся в соответствии с объективными закономерностями эволюцию человеческого общества по пути прогресса. На темпы и глубину этого процесса влияло множество факторов, включая способности, пороки и темперамент государственных деятелей (и даже целых народов, для которых была характерна та или иная “этнографическая” доминанта в поведении и психике)²⁴.

Как и другие позитивисты, Васильевский придавал огромное значение социально-экономическому фактору, в частности аграрным отношениям, взаимодействию деревенской общины и вотчины, проблем континуитета и переворота в отношениях собственности и в социальных отношениях в деревне, наконец, вопросу о синтезе романских и “варварских” институтов в становлении нового общественного строя, характеризующегося вовлечением бывшего свободного крестьянства в поземельную и личную зависимость, иерархической структурой земельной собственности, юридически регулируемой вассально-ленной системой и утверждением частноправовой компетенции крупного собственника в пределах своего поместья. Что же касается высшей государственной власти, то независимо от различий ее конкретных форм в странах средневековой Европы она осталась надклассовой структурой, выполняя

²² *Васильевский В.Г.* [Рец.] Всеобщая история в четырех томах Оскара Иегера // ЖМНП. 1898. Ч. 318. С. 168; *Он же.* Визант. врем. за 5 лет. С. 139.

²³ *Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). Л., 1975. С. 85, 106.

²⁴ *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // ЖМНП. 1875. Ч. 178 (см.: Труды. 1908. Т. I). С. 319 и след.; *Он же.* Очерки истории г. Вильны. С. 78; *Он же.* Предисловие к Рейнольда Гейденштейна запискам. о Московской войне (1578–1582) / Пер. с лат. Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1889. С. XXVII.